

Яровенко В. Ю.

V. Yu. Iarovenko

преподаватель кафедры восточных языков

Дипломатической академии Министерства иностранных дел России

e-mail: enko.victoria@yandex.ru

ФИГУРА МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭНДО СЮСАКУ

MOTHER FIGURE IN ENDO SHUSAKU'S OUEVRE

Аннотация. В творчестве японского писателя-католика Эндо Сюсаку можно наблюдать отличный от общепринятого, «материнский» образ Иисуса Христа. Образ матери, как абстрактный, так и непосредственно отсылающий к реальной матери писателя, можно обнаружить на разных уровнях произведений Эндо: в названиях, среди персонажей, в изображениях природы. Мать Эндо Сюсаку сыграла ключевую роль в его становлении как писателя и является самой важной фигурой в его жизни в противовес отцу. Писатель испытывает противоречивые чувства к ее фигуре, с одной стороны идеализируя ее, а с другой — страшась. В конечном итоге она становится «вечным спутником» в жизни писателя, подобно образу Иисуса Христа в его произведениях, который поддерживает персонажей в трудные моменты своим незримым присутствием.

Ключевые слова: Эндо Сюсаку, образ матери, японская литература, христианство, образ Христа, амаэ

Abstract. An unconventional imagery of Jesus Christ, who possesses more motherly features, can be found in the oeuvre of a Japanese catholic writer Endo Shusaku. Mother imagery both abstract and biographical is present on different levels in Endo's works. We can see it in the titles, within characters and in nature. Endo's mother had played a key role in his choice to become a writer and to write about christianity the way he did. She also was the most important person in his life. Nevertheless, Endo's attitude towards her was rather complicated: he either idealised her being or dreaded her and her disapproval. In the end Endo's mother becomes an «eternal companion» in writer's life, just like the image of Jesus Christ in Endo's texts who supports his characters by simply being there for them in the times of need and fear and often stays unnoticed.

Key words: Shusaku Endo, mother imagery, Japanese literature, christianity, image of Christ, amae

Японский писатель-католик Эндо Сюсаку (1923–1996 гг.) широко известен в Японии и по всему миру благодаря своим произведениям, представляющим собой уникальный синтез

восточной и западной культур. В рамках истории японской литературы его творчество традиционно относят к литературной группе «Третьи новые» (яп. Дайсан но синдзин) — писателей, вышедших на литературную арену в 1960-х годах и затрагивавших в своих произведениях такие темы, как противостояние индивидуума бесчувственной государственной машине, бессилие отдельного человека перед ней и его неизбежное поражение [3, с. 140]. Произведения Эндо выделяются в этой группе благодаря своему гуманистическому духу: человек может победить в этой борьбе благодаря незримой поддержке особого образа Христа, созданного писателем. Это «ненасильственный Христос» (яп. мурёку но кирисутто), или «вечный спутник» (яп. эйэн но до: ханся), который скорее представляет собой материнскую фигуру, нежели отеческую, традиционно ассоциируемую с Богом в христианстве. Подобный образ Христа, который Эндо считал более понятным и близким для японской ментальности нежели строгая и безжалостная фигура ветхозаветного Бога-отца, вызвал бурное обсуждение в католических кругах, ставшее вновь актуальным после выхода в 2016 г. первой европейской экранизации романа Эндо Сюсаку «Молчание» (яп. Тиммоку, 1966 г.) [10] режиссера Мартина Скорсезе. Помимо «материнского» образа Христа в творчестве писателя мы не раз сталкиваемся с непосредственным образом «матери», как в названиях произведений (например, эссе «Матери» [12] (яп. хаха нару моно, 1971 г.)), так и среди персонажей произведений (например, Богиня Чамунда как мать всего живого и образ реки-матери Ганги в романе «Глубокая река» (яп. фукай кава, 1996 г.)) [11]. Эндо Сюсаку также нередко включает в свои художественные эссе и юмористические записки воспоминания о своей собственной матери. Все это наводит на мысль о достаточно значимой роли фигуры матери в творчестве и жизни писателя. В рамках данной статьи будут рассмотрены причины такого положения материнского образа в творчестве писателя, роль этого образа, а также представлены некоторые факты биографии Эндо Сюсаку, которых до этого отечественные исследователи творчества данного писателя не касались.

С матерью Каори в жизни Эндо связан поворотный момент — принятие христианства. Стоит уточнить, что христианство не является распространенной религией в Японии (соотношение верующих не превышает 1% от всего населения) [1]. Более того, с XVII в., в течение 3 веков, в Японии существовал запрет на исповедание этой религии. Верующих преследовали и угнетали, из-за чего на Западе Японии, где христианство было распространено больше всего, возникла своя разновидность тайного христианства «какурэ кириситан». В связи с долгим запретом на исповедание этой религии отношение к христианам как к чужакам частично остается до сих пор, а в первой половине XX в., когда японская государственная пропаганда активно распространяла националистические идеи, такое отношение было особенно сильно. Тем не менее, в среде интеллигенции случаи крещения в осознанном возрасте были. Зачастую христианство принимали с целью духовного и интеллектуального поиска (например, писатели Арисима Такэо (1878–1923 гг.) и Киносита Наоэ (1869–1937 гг.)). Случай Эндо Сюсаку является исключительным, поскольку писатель был крещен в подростковом возрасте.

После 7 лет, проведенных в оккупированной Японией Манчжурии из-за работы отца, Сюсаку по причине развода родителей в 1933 г. был вынужден вернуться в Японию вместе с матерью Каори и старшим братом Сёскэ и поселиться у своей тети, истовой католички, в городе Кобэ на Западе Японии. Мать тяжело переживала развод и, попав под влияние старшей сестры, стала регулярно посещать католическую церковь Сюкугава в городе Нисиномия вместе с сыновьями. Для Сюсаку и Сёскэ это был первый опыт контакта с христианством, произведший на мальчиков сильное впечатление. Вскоре по настоянию матери они стали посещать занятия в семинарии при этой церкви. Через 2 года Каори, в молодости получившая высшее музыкальное образование по специальности скрипка в Токийской музыкальной академии, смогла получить преподавательскую должность в женской академии Обаяси при католической миссии в Кобэ. В церкви при этой академии она крестилась летом 1935 г. Такое скорое решение принять христианство обусла-

вляется не только влиянием старшей сестры Каори. Мать Эндо уже имела опыт тесного контакта с иностранной культурой благодаря своей учебе в музыкальной академии и общению с преподавателями-иностранцами, поэтому христианское учение не было ей чуждо и она достаточно быстро смогла выполнить необходимые условия для смены веры, такие как хорошее знание библии и основных молитв и песнопений. Каори была очень сильной и увлеченной своим делом женщиной. Сам Сюсаку, вспоминая о ней, не раз отмечал, что мать оказала на него сильное влияние и ее образ, ежедневно самоотверженно практикующей игру на скрипке до кровавых мозолей на пальцах, на всю жизнь отпечатался в его памяти [7, с. 17].

Самоотдача и серьезное отношение Каори касались и ее веры, что отразилось и на ее сыновьях. Согласно данным исследователя Като Мунэя, Сюсаку и Сёскэ крестились в течение месяца после их матери в возрасте 12 и 14 лет соответственно, и это произошло исключительно по инициативе Каори. По этой причине Эндо Сюсаку часто говорил о своем крещении, используя побудительно-страдательный залог, как бы акцентируя внимание на том факте, что это не было его личным осознанным выбором. Отсюда берет начало внутренний конфликт писателя и его отчаянные попытки переосмыслить христианство, которое изначально не являлось частью его представлений о мире и частично даже расходилось с ними. Результатом таких попыток объединить две составляющие идентичности Эндо — я-японца и я-католика — и является «материнский» образ Христа в творчестве писателя, упомянутый в начале статьи. В интервью литературному критику Сато Ясумаса Эндо Сюсаку говорил о своем крещении следующее. «Сейчас мне, наоборот, кажется, что я смог стать писателем, именно из-за того, что крестился не во младенчестве. К тому же я решил сделать центральной темой своих произведений попытку перекроить европейское платье не по размеру (т.е. христианство), которое меня заставили носить, в японское кимоно, которое было бы мне в пору. Если бы я был крещен с младенчества, то передо мной бы такой темы не стояло» [8, с. 65].

Каори послужила причиной становления Сюсаку как писателя не только косвенно, настояв на его крещении, но и напрямую, поддержав сына в подаче рассказа на конкурс на четвертом году обучения начальной школы, когда они еще жили в Манчжурии. Короткий рассказ «Рыбка вьюн» получил главную награду и был опубликован в газете, что фактически стало первой публикацией Сюсаку и пробудило его интерес к литературе. Эндо признавался, что литература и писательство было единственным занятием, которое ему легко давалось в детстве, а в освоении школьной программы он испытывал затруднения. Антиподом Сюсаку выступал его старший брат Сёскэ, который всегда получал только лучшие результаты и был гордостью семьи, из-за чего писатель испытывал комплексы. Как для любого нормального ребенка поддержка матери, ее похвала и признание имели большое значение для Сюсаку. Каори называла его «поздним цветком», чей истинный потенциал пока не раскрылся, и всегда была на его стороне, несмотря на проказы сына, который, не выдерживая постоянного сравнения с братом, таким образом стремился привлечь к себе внимание и получить любовь и заботу.

Мать для Эндо Сюсаку является самой важной фигурой в его жизни, что можно установить из частоты его упоминаний о ней в романах, эссе, рассказах и интервью. Многие исследователи, в том числе Като Мунэя и Иноуэ Масамити [15], считают, что Эндо Сюсаку был подвержен эдипову комплексу. В этом видится одна из причин возникновения в произведениях Эндо такой напряженности во взаимоотношении между привычным и понятным, знакомым изнутри, выраженным в образах матери и Японии, и чуждым и незнакомым, привнесённым извне, представленным образом отца и Запада с его трактовкой христианства. Метафорическое желание «убить» своего отца, характерное для эдипова комплекса, а по сути стремление размежеваться с ним, выражается в том, что об отце Сюсаку практически не пишет, а если и говорит, то только в контексте их жизни в Манчжурии, называя его «мужчиной, бросившим мать». Похожая тенденция наблюдается в отношении

к отеческому образу ветхозаветного Бога, всесильного, жестокого и непреклонного, подобного природной стихии. Этот образ встречается в романе «Молчание» и противопоставляется «материнскому» образу Христа, с которым верующие ощущают свое единство и в котором они находят свое утешение.

Исследователь Като Мунэя имел возможность непосредственно общаться с писателем по долгу службы в университетском издании университета Кэйо Митабунгаку, главным редактором которого являлся сам Эндо. Писатель часто с гордостью говорил, что ему в жизни всегда везло с женщинами. «Мне так повезло и с матерью, и с женой. Что ни говори, а в жизни своей я ни разу плохой женщины не встречал» [7, с. 6]. В таком контексте слышать упоминание матери довольно необычно, к тому же, даже из этой фразы очевидно, что для Эндо Сюсаку Каори всегда стояла на первом месте. Писатель утверждал, что жена для него является продолжением матери. Действительно, Эндо был слишком привязан к своей матери, настолько, что это доходило до помешательства, что иллюстрируют многие эпизоды его биографии. Например, из воспоминаний жены Эндо можно узнать, что Сюсаку всегда носил с собой фотографию матери, куда бы он ни направился, но, когда однажды забыл ее на своей даче в Каруидзаве и обнаружил пропажу уже в Токио, настолько переживал, что его жена Дзюнко была вынуждена вернуться назад за фотографией. Также, когда было принято решение отремонтировать фамильный склеп семейства Эндо, писатель забрал урну с прахом Каори себе на хранение, вспоминая об этом событии как о «воссоединении» с матерью, и носил ее с собой на концерты классической музыки, которую она так горячо любила при жизни.

Однако образ Каори, который мы встречаем в творчестве писателя, это видоизмененный и идеализированный образ матери, который создал для себя Эндо Сюсаку. Одержимость Эндо этим образом обуславливалась болезненными воспоминаниями из детства, связанными с ссорами родителей, вылившимися в развод, ощущением собственного бессилия и отчаянием писателя из-за этого. В результате крушения детской вселенной под

названием семья, причиной которому стали измены отца, единственной опорой в жизни для Сюсаку с братом осталась Каори. Но с какого именно момента писатель начинает идеализировать свою мать? В эссе «Матери» есть эпизод, когда еще во время учебы в средней школе, вернувшись домой, Эндо встречается в прихожей священника, который сообщает ему о смерти матери [12, с. 32]. Это явная художественная выдумка, поскольку доподлинно известно, что Каори скончалась в 1953 г., когда Сюсаку был уже 30-летним мужчиной. Исследователь Хисамацу Кэнъити считает, что эта «мистифицированная смерть» матери Сюсаку в реальности соотносится с серьезным разладом в их отношениях с писателем [9, с. 76], когда ему было 18 лет и он, будучи не в силах больше выносить напор матери и ее высокие требования к вере, со скандалом уходит из дома и переезжает к отцу в Токио. Писатель как бы «бросает» свою мать, подобно своему отцу, и предаёт ее, находя убежище у ее главного обидчика, что впоследствии никогда не сможет себе простить и из-за чего постоянно будет мучиться чувством вины. Такая трактовка является вполне обоснованной и объясняет, почему Эндо в своем творчестве настолько болезненно относился к теме предательства и переживания чувства вины, с ним связанного. Более того, в попытке заслужить свое «прощение» и из-за мук совести писатель не может окончательно отбросить христианство. Это объясняет и причину, по которой Эндо Сюсаку в поиске подходящего ему христианства никогда не обращался к другим его направлениям, помимо католичества, в рамках которого он был крещен по настоянию матери. К тому же, с 18 лет писатель вступает в активную фазу взросления, подвергая сомнению детские авторитеты, а именно, мать и христианское учение. Начало самостоятельной жизни отдельно от матери и разрыв связей становится катализатором для процесса идеализации, поскольку писатель опирается на образ из его воспоминаний. Более того, согласно описанию «примитивной идеализации» психоаналитиком Шандором Ференци [2], идеализация является механизмом психологической защиты, и для преодоления чувства тревоги транслируется на людей, от которых индивидуум

эмоционально зависит. Индивидуум, чрезмерно полагающийся на идеализацию, зачастую борется с ощущением беспомощности и неспособностью контролировать свою жизнь, из-за чего он стремится создать «всемогущий» образ, с которым он впоследствии стремится слиться воедино ради обретения чувства безопасности. Обычно за «примитивной идеализацией» логически следует «примитивное обесценивание», поскольку идеализированный образ не выдерживает проверку реальностью. В случае Эндо этот процесс деидеализации, запустившийся в рамках естественного этапа взросления — сепарации от матери — не проходит до конца и вызывает рецидив — повторную идеализацию уже в зрелом возрасте. В результате идеализации всегда обостряется ощущение собственной неидеальности, что ярко просматривается в случае Сюсаку Эндо, мучимого чувством вины. Ответной реакцией на это, с одной стороны, стала попытка писателя создать свою концепцию «японского» христианства для «слабых» людей, как и он сам. С другой — это самоирония и смех над собой, который является неотъемлемой частью юмористических эссе писателя, а также его публичный образ «шутника».

Особенно ярко тема предательства в творчестве Эндо звучит в повести «Женщина, которую я бросил» (яп. ватаси га сутэта онна, 1963) [4], название которой отсылает нас к биографии писателя. Сюжет повести разворачивается вокруг студента Ёсиоки, который, воспользовавшись наивностью и добротой фабричной работницы Мориты Мицу, соблазнил ее и бросил после первой же совместной ночи. Впоследствии герой, хоть и презирал Мицу, никак не мог забыть эту девушку, всегда стремился к ней и искал у нее утешения. Из-за этого Мицу всегда незримо была рядом с героем, став его «вечным спутником», который в творчестве Эндо Сюсаку соотносится с образом Иисуса Христа. Мать тоже всегда незримо присутствовала в жизни писателя. Эндо Дзюнко в своих мемуарах «О моем муже Эндо Сюсаку» [7, с. 2], изданных после смерти писателя, говорит, что мать для мужа стала его «совестью». Причем, для обозначения «совести» писатель использовал слово «святость»

(яп. хо: ри:), поскольку так всегда говорила его мать. Каори никогда не ругалась на него в детстве, однако услышать от нее то, что его поведение «не свято», когда он проказничал или бездельничал на уроках, маленький Сюсаку боялся. Дзюнко также вспоминает, что, когда писатель давал слово, он всегда говорил «мамой клянусь», что подтверждает главенствующее положение ее фигуры в жизни писателя. Однако чувства, которые испытывает Эндо к матери, двоякие. Сильная привязанность смешивается со страхом и трепетом перед ее образом. При этом Эндо Сюсаку всегда надеется на прощение матери, иллюзию которого он способен получить только посредством созданного им идеализированного образа.

Таким образом, непосредственная связь матери с принятием Эндо христианства, восприятие ее им как «совести» через призму религии и постоянное присутствие ее образа в его жизни приводит к тому, что этот идеализированный образ пронизывает не только художественный мир произведений писателя, но и его представления о вере и Боге. Учитывая то, какой вес имеет мать в жизни Эндо, логично предположить, что именно ее образ накладывается на образ Бога в сознании писателя и становится основой для «материнского» образа Иисуса Христа в творчестве Эндо, который является центром его религиозно-философской концепции. Впервые на это обращает внимание литературный критик Это Дзюн в своей рецензии на роман Эндо «Молчание». «Христос на медной табличке фумиэ кажется мне исключительно женственным и даже напоминает образ японской матери» [14]. В основе отношения людей с таким богом лежит неизжитый родоплеменной принцип связи «амаэ». «Амаэ» — это тип отношений, при которых одна из сторон рассчитывает на снисхождение другой к ее слабостям. Впервые подобный тип отношений и его отражение на социальной и языковой структуре были описаны японским психоаналитиком Дои Такэо в его монографии «Структура амаэ» (1971 г.) [6]. Такие отношения чаще всего возникают между ребенком и матерью, когда ребенок, полагаясь на любовь родителей, чувствует себя защищенным и ласково ведет

себя с другими. Словесное выражение данное биосоциальное явление нашло только в японском языке, несмотря на то, что является универсальным и для людей, и для животных, поэтому можно говорить о ключевом значении его для японской идентичности [5, с. 622]. Примечательно, что впервые такой образ Иисуса Христа как «вечного спутника» появляется в юмористической повести «Уважаемый господин дурак» (1959 г.) [13]. Здесь образ еще не обрел те ярко выраженные черты, которые стали заметны в «Молчании», поскольку Эндо Сюсаку изображает его аллегорично посредством персонажа, воплощающего принцип «кенозиса», концепции смирения, унижения своей воли и полного послушания воле Бога. Именно комический персонаж Гастона Бонапарта, смешной и нелепый из-за своей детской наивности и непоколебимой веры в людей, лучше всего иллюстрирует принцип взаимоотношений между «материнским» образом Христа и людьми, которые встречают его на своем жизненном пути. Это безусловная материнская любовь, выраженная в форме «амаэ». Особенностью Христа, которого изображает Эндо, является его фактическое «бессилие», невозможность противостоять враждебной действительности и сотворить реальное чудо. Его сила проявляется только во взаимодействии с другими людьми, когда он оказывает им моральную поддержку в сложные моменты просто за счет своего незримого, но ощутимого присутствия в их жизни. Образ матери в жизни писателя выполнял аналогичную роль, помогая ему справиться с чувством одиночества, вызванным слабым здоровьем Эндо и ощущением им себя «лишним человеком» сначала в качестве представителя религиозного меньшинства в Японии, представителя проигравшей в войне державы во время стажировки во Франции, а в последствии в качестве «глупого и надоедливого старика» в своей семье.

Литература

1. *Бесстремянная, Г.Е.* Христианство и Библия в Японии. Часть 1. Исторический очерк и лингвистический анализ/ Г.Е. Бесстремянная — М.: ОВЦС МП, 2006. — 320 с.

2. *Ференци, Ш.* Теория и практика психоанализа/Ш. Ференци; пер. с нем. И.В. Стефанович. — М.: Университетская книга, 2000. — 320 с.
3. *Чегодарь, Н.И.* Человек и общество в послевоенной литературе Японии/Н.И. Чегодарь под ред. Л.Л. Громковской — М.: Изд-во «Наука», 1985. — 192 с.
4. *Эндо, С.* Женщина, которую я бросил/С. Эндо; пер. с яп. К. Рёхо — М.: Изд-во Прогресс, 1968. — 302 с.
5. *Яровенко, В.Ю.* Феномен «амаэ» в японском языке и обществе/В.Ю. Яровенко//Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов V международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). — 2022. — С. 621–625.
6. *Дои, Т.* «Амаэ» но ко: дзо: (Теория «амаэ»)/Хоккайдо: Ко: бундо:, 2007—318 с.
7. *Като, М.* Эндо: Сю: саку (Эндо Сюсаку)/Токио: Кэйо: гидзюку дайгаку сюшпан кай — 2006. — 292 с.
8. *Сато, Я.* Дзинсэй но до: ханся (Жизненный спутник)/Я. Сато, С. Эндо. — Токио: Синтё: ся, 1991. — 269 с.
9. *Хисамацу, К.* Эндо: Сю: саку но химицу Ка (Секрет Эндо Сюсаку 3-я часть)/Мэйдзи дайгаку кё: ё: ронсю.: — 2006. — № 408. — С. 73–103.
10. *Эндо, С.* Тиммоку (Молчание)//Эндо С. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 2. Токио: Синтё: ся, 1999. — 343 с.
11. *Эндо, С.* Фукай кава (Глубокая река)/Токио: Ко: данся, 2018. — 373 с.
12. *Эндо, С.* Хаха нару моно (Матери)/Синтё: ся, Токио, 1971 г. — 268 с.
13. *Эндо, С.* Обака-сан (Уважаемый господин дурак)/Токио: Кадокава бунко, 1962. — 320 с.
14. *Это, Дз.* Итанся но наями то ёрокоби (Страдания и радости вероотступника)//газета Асахи симбун, выпуск от 29.04.1966 г.
15. *Иноуэ, М.* Reclaiming the universal: intercultural subjectivity in life and work of Endo Shusaku/Southeast Review of Asian Studies, v. 34. 2012. 110–125.

ФИЛОСОФИЯ

Кириченко М. А.

M. A. Kirichenko

старший преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел России
e-mail: aimaria.kirichenko@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

JAPAN'S TRANSFORMATION OF PEDAGOGICAL IDEAS AT THE TURN OF WORLD WAR II

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации педагогических и общественных идей Японии до и после Второй мировой войны. Педагогические идеи оказывают прямое влияние на образовательный курс и формирование общественного сознания страны, а значит могут дать ключ к пониманию настроений в японском обществе, которые показали резкий поворот после поражения Японии в войне. Статья написана в основном по японским источникам и знакомит с авторитетными в Японии мыслителями и ключевыми педагогическими идеями, которые пока не становились предметом прицельного исследования в отечественном востоковедении.

Ключевые слова: образование Японии, педагогические идеи, мирная педагогика, Вторая мировая война, японское общество

Abstract. This article examines the process of transformation of pedagogical and social ideas in Japan before and after World War II. Pedagogical ideas have a direct impact on the educational course and formation of public consciousness in the country, and thus may provide clues to the mood in Japanese society, which showed a sharp turn after Japan's defeat in the war. The article is written mainly from Japanese sources and introduces authoritative thinkers and key pedagogical ideas in Japan, which have not yet become the subject of targeted research in domestic Oriental studies.

Key words: Japan's education, pedagogical ideas, peace pedagogy, World War II, Japanese society